

РОЗДІЛ V

Міжнародне наукове співробітництво

УДК 342.742(438)

Р. Шиновски

Вооруженные Силы Республики Польша в нормативной системе

Настоящая статья является попыткой исследования проблематики, связанной с правовыми нормами, касающимися Вооруженных Сил Республики Польша. Ссылаясь на положения Конституции Республики Польша, а также на соответствующие законы, автор подтвердил, что Вооруженные Силы в польском законодательстве рассматриваются как фундамент для существования и функционирования государства, национальной безопасности и обороны. Раскрыты принципы функционирования Вооруженных Сил в демократическом государстве, а именно, принцип службы Вооруженных Сил в рамках выполнения задач, для которых они созданы в государстве; принцип нейтралитета Вооруженных Сил в политических делах; принцип подчинения Вооруженных Сил гражданскому и демократическому контролю.

Ключевые слова: Вооруженные Силы Республики Польша, военная служба, принципы деятельности Вооруженных Сил, нейтралитет Вооруженных Сил, подчинение Вооруженных Сил общественному и демократическому контролю.

Постановка научной проблемы и ее значение. Как в историческое, так и в настоящее время, практически не встречаются государства, не имеющие собственных вооруженных сил. Следует подчеркнуть, что в современных системах на самом деле вооруженные силы не существовали без государства или претендующей на получение государственной власти политической организации. Поэтому связь государства и вооруженных сил закономерна. В тоже время, эти отношения весьма сложны, поскольку вооруженные силы действительно являются своеобразным «государством в государстве». В демократическом же государстве необходим как эффективный правовой статус вооруженных сил, так действенный контроль за ними.

Формулировка цели и задач статьи. В статье мы должны обратить внимание на черты и ценности, общие принципы, определяющие военную организацию как основу хорошо действующих государств, а затем определить место Вооруженных Сил Республики Польша в нормативной системе.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. В международных отношениях справедливые законы и надежная армия являются основой хорошо действующих государств – «основой же власти во всех государствах – как унаследованных, так смешанных и новых – служат справедливые законы и надежная армия» [4, с. 20].

Вооруженные силы рассматриваются как специализированный орган, находящийся в исключительном распоряжении государства, и являются инструментом его политики [1, с. 24-29]. Для достижения своих целей политика использует определенные средства. Среди них самыми главными следует считать: дипломатические, экономические и военные средства. Роль и значение военной силы в политике, особенно в области внешней политики, различны в зависимости от состояния государства, т. е. в мирное, кризисное или военное время. Во время войны эта роль является решающей, в кризисное время обычно применяются косвенные формы использования вооруженных сил, а в мирное время роль вооруженных сил подверглась в последнее время существенным изменениям. Функции вооруженных сил являются прямым следствием функций государства, поскольку они принадлежат ему по закону, как ни одной из других общественных организаций. Как в международных отношениях, так и во внутренних, только государству дано право

иметь вооруженные силы. И так, государство возлагает на вооруженные силы их функции – внутреннюю и внешнюю [1, с. 20-29].

Следуя за И. Марчаком, для жизни и существования народа и государства, а также наднациональных организаций, армия привносит свойственные только ей и незаменимые иными организациями черты: наличие и умение использовать в крупном масштабе самого радикального средства насилия, которым является широкий выбор оружия; подготовка и умение вести вооруженную борьбу с целью защиты государства; автономная структура, обеспечивающая его действие в крайне неблагоприятных и непредсказуемых ситуациях, включая войну; армейское командование как соответствующая армии форма управления людьми, опирающееся на армейскую дисциплину; мобильность войсковых частей, позволяющая предпринимать и вести акции в любой точке государства (а также за его пределами); постоянная боеготовность войск к незамедлительному началу первостепенных действий; и, как последнее, боевой дух армии как главнейшая черта военной организации. Поэтому мы обратим внимание на роль и место Вооруженных Сил РП в нормативной системе.

В общем, нормативной системой можем назвать совокупность убеждений и повинностных правил, относящихся к поведению групп людей, живущих в данном обществе. У нормативной системы могут быть различные источники и разная система санкций, поэтому можем говорить о нормативной системе религии, закона, морали и обычаев. И так, закон не является ни единственным регулятором человеческого поведения, ни единой совокупностью общественных норм. Вместе с тем, а иногда вместо закона, применяются нормы: моральные, договорные, статусные и общепринятые нормы, и т.п. [2, с. 68-69; 5, с. 27-29, 64, 94-95].

Количество и разновидность актов, нормирующих функционирование вооруженных сил в государстве привело к тому, что в настоящей статье мы сосредоточили внимание на: Конституции Республики Польша от 2 апреля 1997 г., законе от 21 ноября 1967 г. о всеобщей воинской обязанности Республики Польша [10], законе от 11 сентября 2003 г. о воинской службе по контракту [11].

Излагая в ст. 26, что «Вооруженные Силы Республики Польша служат защите независимости государства и неделимости его территории, а также обеспечению безопасности и неприкосновенности его границ. Вооруженные Силы сохраняют нейтралитет в политических вопросах, а также подлежат гражданскому и демократическому контролю», Конституция РП определила совокупность принципов, определяющих статус вооруженных сил в государстве, сферу их действий и способ функционирования в демократическом правовом государстве. Содержание конституционных принципов, сформулированных в вышеуказанной статье Конституции РП касается одного четко выделенного среди государственных структур субъекта – Вооруженных Сил РП. Вышеприведенное содержание статьи, а также их запись в главе Конституции РП, упорядочивающей форму государственного правления, приводит к следующим выводам. Во-первых, выделение Вооруженных Сил РП вытекает из их задач, а также предназначения, во-вторых, это уточнение принципов форм правления, регулирующих позицию вооруженных сил в государстве. К этим принципам можем отнести:

- принцип службы вооруженных сил в рамках выполнения задач, для которых они предназначены в государстве,
- принцип нейтралитета вооруженных сил в политических делах,
- принцип подчинения вооруженных сил гражданскому и демократическому контролю.

Принцип службы, который выражен в ст. 26 п. 1: «Вооруженные Силы служат защите независимости государства и неделимости его территории, а также обеспечению безопасности и неприкосновенности его границ» является принципом, определяющим задачи оборонной структуры государства, соединяет их с целями государства и устанавливает основные границы компетенций вооруженных сил. Из цитированного выше примечания следует, что предметом защиты со стороны вооруженных сил является государство, а также его независимость, неделимость территории, безопасность и неприкосновенность границ [12].

Конституционное положение, определяющее основные задачи Вооруженных Сил РП (ст. 26 п. 1) одновременно конституирует дефиницию формы выполнения этих задач как «служба защите» главнейших ценностей для народа и государства. «Служба защите» тесно связана с подчинением, с обязанностями, с предназначением лиц, организаций и ассоциаций для публичных задач, т.е. чертами, характеризующими способ выполнения задач вооруженными силами. В силу возможности возникновения разных форм опасности, данное понятие может обозначать также готовность к обороне или защите кого-либо или чего-либо перед опасностью, которая может произойти [6, с. 79].

Итак, защиту можем отождествлять с состоянием готовности к защитным действиям в случае могущей произойти определенной опасности для защищаемого субъекта (напр. государства), но это также состояние условной пассивности в том смысле, что оно лишено черт наступательности. Упомянутое положение четко подчеркивает защитный, неагрессивный и превентивный характер задач и действий вооруженных сил. Из содержания ст. 26 п. 1 Конституции РП «служба защите» обозначает, с одной стороны, основные компетенции вооруженных сил, с другой стороны – границу использования вооруженных сил, т.е. как их самостоятельности, так и границы полномочий органов государственной власти в сфере защиты. По отношению к вооруженным силам этой границей являются положения Конституции РП и законов, которые позволяют использовать вооруженные силы в других целях, чем защита «независимости государства и неделимости его территории, а также обеспечение безопасности и неприкосновенности его границ»[13, с. 23-30].

Понятие защиты государства содержится также в положениях, определяющих обязательства гражданина. В силу положения ст. 85 Конституции РП, «обязанностью польского гражданина является защита Родины. Сфера воинской службы определяется законом. На гражданина, которому религиозные убеждения или исповедуемые моральные принципы не позволяют отбывать воинскую службу, может быть возложена обязанность нести альтернативную службу на принципах, определенных законом»[3].

Исполнение всеобщего обязательства обороны объясняет ст. 4 п. 1 закона от 21 ноября 1967 г. о всеобщей воинской обязанности Республики Польша, согласно которой всеобщей воинской службе подлежат все граждане Польши, которые способны по возрасту и состоянию здоровья исполнять данное обязательство. Гражданин Польши, будучи одновременно гражданином другого государства, не подлежит всеобщей воинской службе, если постоянно проживает вне границ Республики Польша. В рамках всеобщей воинской службы граждане Польши обязаны: нести воинскую службу, исполнять обязательства, вытекающие из присвоенных кризисных и мобилизационных резервов, выполнять работы с сфере рабочих мобилизационных резервов, исполнять службу в гражданской обороне, проходить обучение по безопасности, принимать участие в гражданской самообороне, проходить учения и вести службу в воинских частях, предназначенных для милитаризации, выполнять обязанности в поддержку обороны – на принципах и в объеме, определенных законом. Назначение на альтернативную службу, направление на ее прохождение, а также само прохождение происходит согласно принципам, определенным в законе от 28 ноября 2003 г. об альтернативной службе.

Объем обязательств воинской службы объясняет ст. 55 цитируемого закона о всеобщей воинской службе Республики Польша. Согласно приведенному положению обязательство воинской службы заключается в:

- прохождении воинских учений: военнообязанными запаса; лицами, переведенными в запас, не являющимися военнообязанными запаса; лицами, которые выразят желание пройти их и которые не подлежат обязательству прохождения действительной военной службы;
- исполнении подготовительной службы: лицами, переведенными в запас, в том числе военнообязанными запаса, которые до сих пор не проходили действительной военной службы; лицами, которые выразят желание пройти ее и которые не подлежат обязательству прохождения действительной военной службы; исполнении периодической военной службы военнообязанными запаса.

В случае угрозы национальной безопасности, если это необходимо для обеспечения возможности выполнения задач, связанных с предназначением вооруженных сил, обязательство военной службы заключается также в: прохождении действительной военной службы лицами, которые подлежат этому обязательству; прохождении военного обучения выпускниками высших учебных заведений. Президент Республики Польша, по ходатайству Совета Министров, определяет, путем распоряжения, дату начала и продолжительность обязательства действительной военной службы, а также военного обучения, учитывая степень угрозы национальной безопасности.

В случае объявления мобилизации и во время войны обязательство военной службы заключается в исполнении воинской службы: лицами, подлежащими к призыву на военную службу; лицами, переведенными в запас, в том числе военнообязанными запаса; военнослужащими, оставшимися на действительной военной службе; другими лицами, которые призываются на добровольной основе. Подытоживая, надо установить, что гражданский долг, которым является защита Родины – общий и главный долг всех граждан. В его рамках содержатся отдельные виды обязанностей в этой сфере, а с ними, в свою очередь, связаны конкретные обязательства. Виды этих обязательств, их сфера, а также правила исполнения определяются законами и другими нормативными актами.

Принцип нейтралитета вооруженных сил в политических делах непосредственно следует из положения ст. 26 абзац 2 Конституции РП в силу которого «Вооруженные Силы сохраняют нейтралитет в политических вопросах [...]». Принцип нейтралитета в политических делах адресован вооруженным силам как организации, а также человеческого общества, воплощающего эту организацию (военнослужащих, находящихся при исполнении обязанностей в вооруженных силах).

В случае употребления слова «нейтралитет», касающегося необходимого действия вооруженных сил, являющихся государственной организацией, речь идет о следовании принципу беспристрастия, независимости от политического воздействия, исходящего извне вооруженных сил. Использование вооруженных сил в целях, определенных уполномоченными властями, является видом политики. Несанкционированное применение вооруженных сил также является видом политики, нелегальным использованием вооруженных сил для достижения политических целей, проявлением злоупотребления полномочиями и крайним нарушением нейтралитета в политических вопросах.

Принцип нейтралитета армии (политического, партийного) обозначает ограничение участия военнослужащих в общественной жизни: возможности выполнения определенных функций, членстве в общественных организациях и некоммерческих партнерствах, возможности создавать собственные организации (напр., профессиональные союзы). Вооруженные силы как объединение граждан-военнослужащих обязаны сохранять нейтралитет в политических вопросах на уровне, определенном законом. Конституция вводит общий принцип ограничения сферы пользования конституционными свободами и правами, когда они необходимы в демократическом государстве для его безопасности. Ст. 31 п. 3 Конституции РП устанавливает, что «ограничения относительно пользования конституционными свободами и правами могут устанавливаться только законом и только тогда, когда они необходимы в демократическом государстве для его безопасности или общественного порядка либо для охраны окружающей среды, общественного здоровья и общественной морали, или же свобод и прав других лиц. Эти ограничения не могут нарушать сущность свобод и прав». [13, с. 64-66, 70]

Согласно положению ст. 106 закона от 11 сентября 2003 г. о воинской службе по контракту во время исполнения военной службы по контракту профессионалам-контрактникам нельзя: быть членом политической партии, некоммерческого партнерства, организации или гражданского движения, которые ставят перед собой политические цели; принимать участие в собраниях политического характера; вести политическую деятельность. С дня начала выполнения военной службы по контракту прекращается прежнее членство профессионала-контрактника в политической партии, некоммерческом партнерстве, организации или гражданском движении. Профессионалам-контрактникам нельзя создавать профессиональные союзы и объединяться в них (ст. 108 цитируемых выше законов).

В свою очередь, ст. 65 закона от 21 ноября 1967 г. о всеобщей воинской обязанности Республики Польша устанавливает, что «во время прохождения действительной военной службы членство военнослужащих в политических партиях приостанавливается. Во время прохождения действительной военной службы военнослужащие не могут принимать участие в действиях гражданских движений и других гражданских группировок политического характера, ни вести какую-либо политическую деятельность на территории воинских частей (учреждений), в том числе распространять публикации, касающихся политических вопросов. Военнослужащие, проходящие действительную военную службу в обмундировании, а также с военными знаками отличия не могут принимать участие в собраниях политического характера. Военнослужащие, проходящие действительную военную службу не могут создавать и вступать в профсоюзы, ни принимать участие в деятельности профсоюзов, в которых они состояли во время призыва на военную службу».

Принцип «политического нейтралитета» вооруженных сил стал частью конституционных решений формы государственного правления. Однако, она является лишь фундаментом, на котором должна формироваться практика исполнения этого принципа, которую поддерживает следование политической и правовой культуре.

Принцип подчинения вооруженных сил гражданскому и демократическому контролю изложен в положении ст. 26 п. 2 Конституции РП, в силу которого «Вооруженные Силы [...] подлежат гражданскому и демократическому контролю». Установление в Конституции РП «гражданского и демократического контроля» было следствием стремления к конкретизации в положениях основного закона демократических институтов и создания государственно-правовых гарантий их осуществления. Суть гражданского и демократического контроля заключается в том, что вооруженные силы должны подлежать полному гражданскому контролю, но также

демократическому, что следует понимать, как его осуществление избранным на выборной основе парламентским большинством и созданным им правительством, ответственным перед парламентом. «Демократический контроль над армией» обозначает «подчинение армии демократически избранным политическим властям государства» [13, с.75].

Вооруженные силы не обладают привилегированным положением среди других организаций государства и в связи с этим на них распространяются те же правила, которым подчинены другие гражданские государственные структуры, а также не могут опираться на принципы, обязывающие другие организации. Гражданские власти регулируют основы политики безопасности и обороноспособности государства, определяют доктрину (безопасности и обороноспособности), определяют размер расходов на оборону (в том числе военных). Они определяют также размеры (численность) вооруженных сил, их общий состав, а также основные принципы их организации и функционирования. Исполнение властных и контрольных функций над вооруженными силами осуществляется в демократиях конкретными организациями с сохранением классического разделения властей между тремя ветвями: законодательной власти (законотворчество по вопросам обороноспособности и по военным вопросам), исполнительной власти (непосредственный контроль над вооруженными силами), военные правоохранительные органы (прокуратура и суд).

Выводы и перспективы дальнейших исследований. В статье автор обобщает и анализирует нормы Конституции Республики Польша от 2 апреля 1997 г., закона от 21 ноября 1967 г. о всеобщей воинской обязанности Республики Польша, закона от 11 сентября 2003 г. о воинской службе по контракту. Принципами функционирования Вооруженных Сил согласно законодательству Республики Польша являются: 1) принцип службы вооруженных сил в рамках выполнения задач, для которых они предназначены в государстве, 2) принцип нейтралитета вооруженных сил в политических делах, 3) принцип подчинения вооруженных сил гражданскому и демократическому контролю.

Принцип службы Вооруженных Сил в рамках выполнения государственных задач предусматривает, что военнослужащие обеспечивают защиту независимости государства и неделимости его территории, а также безопасность и неприкосновенность его границ.

Принцип нейтралитета армии (политического, партийного) обозначает ограничение участия военнослужащих в общественной жизни: возможности выполнения определенных функций, членстве в общественных организациях и некоммерческих партнерствах, возможности создавать собственные организации (напр., профессиональные союзы).

Суть гражданского и демократического контроля за вооруженными силами предусматривает, что его осуществление принадлежит избранному на выборной основе парламентскому большинству и созданному им правительству, ответственному перед парламентом.

В демократическом государстве Вооруженные силы не обладают привилегированным положением среди других организаций государства и в связи с этим на них распространяются те же правила, которым подчинены другие гражданские государственные структуры, а также не могут опираться на принципы, обязывающие другие организации. Гражданские власти регулируют основы политики безопасности и обороноспособности государства, определяют доктрину безопасности и обороноспособности, определяют размер расходов на оборону (в том числе военных). Они определяют также размеры (численность) вооруженных сил, их общий состав, а также основные принципы их организации и функционирования.

Источники и литература

1. Balcerowicz B. Siły zbrojne w państwie i stosunkach międzynarodowych / B. Balcerowicz. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, 2006.
2. Banaszak B. System prawa w Polsce – stan obecny i uwagi de lege ferenda fundamentali / B. Banaszak // Przegląd Legislacyjny. – 2008. – № 4. – S. 68-69.
3. Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej z dnia z dnia 2 kwietnia 1997 r. (z póź. zm.) // Dz. U. – 1997. – № 8. – Poz. 483.
4. Machiavelli N. Książę / N. Machiavelli [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gavagai.pl/media/society/niccolo_machiavelli_-_ksiaze.pdf.
5. Stawecki T., Winczorek P. Wstęp do prawoznawstwa / T. Stawecki, P. Winczorek. – Warszawa: Wydawnictwo C.H. Beck, 2003.
6. Słownik terminów bezpieczeństwa narodowego. Red. B. Balcerowicz i J. Pawłowski. – Warszawa: AON, 2002.
7. Słownik języka polskiego. Red. M. Szymczak. – Warszawa: PWN, 1978.

8. Strategia Obronności Rzeczypospolitej Polskiej z 2009 roku. Strategia sektorowa do Strategii Bezpieczeństwa Narodowego Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 2009 r. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wp.mil.pl/pl/index/>.
9. Ustawa z dnia 28 listopada 2003 r. o służbie zastępczej (z późn. zm.) // Dz. U. – 2003. – № 223. – Poz. 2217.
10. Ustawa z dnia 21 listopada 1967 r. o powszechnym obowiązku obrony Rzeczypospolitej Polskiej // Dz. U. – 2004. – № 241. – Poz. 2416.
11. Ustawa z dnia 11 września 2003 r. o służbie wojskowej żołnierzy zawodowych (z późn. zm.). // Dz. U. – 2003. – № 179. – Poz. 1750.
12. Skrabacz A., Kitler W. Wojskowe wsparcie władz cywilnych i społeczeństwa / A. Skrabacz, W. Kitler. – Warszawa: AON, 2003.
13. Wołpiuk W. Siły zbrojne w regulacjach Konstytucji RP / W. Wołpiuk. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, 1998.

Шіновські Р. Збройні Сили Республіки Польща в нормативній системі. У статті автор узагальнює та аналізує норми військового права Республіки Польща. Принципами функціонування Збройних Сил відповідно до законодавства є: 1) принцип служби Збройних Сил в рамках виконання завдань, для яких вони призначені в державі, 2) принцип нейтралітету Збройних Сил в політичних справах, 3) принцип підпорядкування Збройних Сил громадянському і демократичному контролю. Принцип служби Збройних Сил в рамках виконання державних завдань передбачає, що військовослужбовці забезпечують захист незалежності держави та неподільності її території, а також безпеку і недоторканність її кордонів. Принцип нейтралітету армії (політичного, партійного) означає обмеження участі військовослужбовців у суспільному житті. Суть цивільного та демократичного контролю за збройними силами передбачає, що його здійснення належить обраній на виборній основі парламентської більшості й створеному нею уряду, відповідальному перед парламентом.

Автор зробив висновок, що в демократичній державі Збройні сили не володіють привілейованим становищем серед інших організацій держави і у зв'язку з цим на них поширюються ті ж правила, яким підпорядковані інші цивільні державні структури. Державна влада регулює основи політики безпеки і обороноздатності держави, визначає розмір витрат на оборону, розмір (чисельність) Збройних Сил, їх загальний склад, а також основні принципи їх організації та функціонування.

Ключові слова: Збройні Сили Республіки Польща, військова служба, принципи діяльності Збройних сил, нейтралітет Збройних сил, підпорядкування Збройних Сил громадянському і демократичного контролю.

Shinovski R. Armed Forces of the Republic of Poland in the Normative System. The author summarizes and analyzes the norms of military law of the Republic of Poland. Principles of functioning of the Armed Forces under the law are: 1) the principle of Armed Forces service for tasks which they are intended in the state, 2) the principle of Armed Forces neutrality in political affairs, 3) the principle of Armed Forces subordination to civilian and democratic control. The principle of Armed Forces service as part of the public tasks provides that soldiers ensure protection of independence of the state and the indivisibility of their territory, a well as the safety and security of its borders. The principle of political neutrality of the army denotes the restriction of military participation in public life. The essence of civil and democratic control of the Armed Forces provides that it belongs to the implementation of the chosen, elected parliamentary majority and they created a government responsible to parliament.

Author made a conclusion that in a democratic state Armed Forces don't have a privileged position among the other institutions and therefore are subject to the same rules that govern other government organs. State authorities regulate the policy framework security and defense of the state, determine the size of defense spending, the scope (number) of the Armed Forces, their general structure, as well as the basic principles of their organization and functioning.

Key words: Armed Forces of the Republic of Poland, military service, principles of activity of Armed Forces, Armed Forces neutrality, principle of Armed Forces subordination to the civilian and democratic control.

Notion of a Social Organisation in Polish General Administrative Proceedings. Chosen Aspects

The article addresses the problems posed by the notion of a social organisation in general administrative proceedings. It presents the definition of the social organisation in the Code of Administrative Proceedings and presents, what a legal definition is. It was necessary to concentrate on the structure and the types of legal definitions. At the same time attention is drawn to the many problems with the interpretation of this definition. For correct understanding of the meaning of the term being analyzed, it should focus on its structure and legal categories that constitute it. The author concludes that the concept of social organization should change specifying general and special content and functional characteristics relevant social formations.

Key words: administrative proceedings, social organisation, definition, notion.

Presentation of the scientific problem and its significance. At the beginning of the analysis of the legal definition of a social organisation it is necessary to specify, what a legal definition is. The composition of a legal definition appears to be indispensable and essential for any further discussion on the notion of the social organisation from the point of view of the administrative procedure law.

Main content and justification of the study results. The issues related to the definition were pondered by logicians, starting from Aristotle until today. The term definition is polysemous and thus may be understood in a number of ways, depending on the definition at hand. Basically, every variant of a definition is different – nominal, real, stipulative, reporting, normal, deictic etc. The term definition may be described as a statement that determines the sense, meaning of the defined word or expression or provides an unambiguous characteristic of the defined object. The object of the definition is highly extensive, ranging from a name to a function word [1, p. 155]. Due to the character of the discussed notion it is necessary to concentrate on the structure and the types of legal definitions. Then in the legal language one can observe only definitions of names, however it is noteworthy that both simple names that consist of a single word and compound names that are comprised of a larger number of words are defined. Hence, we shall concentrate only on definitions of names, and the legal definition of the social organisation with regard to the administrative procedure law in particular.

It is noteworthy that every legal definition should fulfil certain criteria of correctness, that is to precisely formulate the meaning of the defined notion and to indicate only the relevant features of the denotata of the defined name. It must be formulated unambiguously using words that are known to its recipient. Otherwise there might be a number of mistakes which would complicate the analysis of a given notion. As it is proven further on, a paradoxical situation is the one of the analysed legal definition of the social organisation.

It must be emphasized that a legal definition is every definition formulated by a legislator that is placed in a legal text and concerns a word or an expression that is to be found in a legal text. The fact that the definition is in a legal text makes it a legal definition, regardless of its purpose, the reason for its being formulated or its structure. Due to the diversity of legal definitions it must be regarded as that part of the legal text in which the legislator determines how the word or the expression should be understood. In a narrower sense a legal definition is only a definition with a normal structure, consisting of three elements: a definiendum, a combining expression and a definiens, regardless of its style (lexicographic, semantic, objective). A criterion for distinguishing a legal definition as such is that it is placed in a normative act. Apart from that a legal definition can be formulated in the legal language [2, p. 188]. Moreover the object of the definition is a word or an expression – definiendum – which appears in this normative act, in which the definition was placed, or in the text of another normative act. Hence, one may conclude that by formulating a legal definition and by placing it in a legal text the legislator attempts to provide the reader of that text with information that contains the meaning of the defined word or expression. A. Malinowski observes that because it is placed in a legal text, the definition becomes normative, which means that it imposes on the person interpreting the law a certain linguistic behaviour as far as the attribution of meaning to the given word or expression being the definiendum of the definition, is concerned. W. Ziembicki regards it as a

metanorm which allows the attribution of only such meaning to the defined expression (*definiendum*) that was specified in the definition. The metanorm mentioned above refers to the way of comprehending legal texts which fall within the scope of the use of the definition [3, p. 159]. There are scientists who believe that the process of interpretation does not involve legal definitions, because they are the legislator's explanations on how the *definiens* should be understood, and that by using them the legislator avoids a misinterpretation of the expressions. It seems that this view is not entirely correct, at least not as far as the analysis of the legal definition of the social organisation is concerned. The legal provisions that include legal definitions are the basis for setting norms of linguistic behaviour. The interpretation of those norms takes place before the interpretation of the provisions that include the given expression. Moreover, with regard to the definition of the social organisation it appears that the interpretation of norms including the *definiendum* from the legal definition is an impossible or a very complex process if the legal definition has not been properly interpreted.

In accordance with the legal definition of the social organisation provided in art. 5 § 2 item 5 of the Polish Code of Administrative Proceedings [15], social organisations are trade, self-government, collective organisations and other social organisations. Thus, the legislator only enumerates the categories of subject of law that meet the criteria of social organisations. Since the defined expression appears not only in the defined element but also in the defining one, it should be assumed that the structure of that definition implies the mistake in the form of the so-called vicious circle (*circulus in definiendo*). On the other hand, it may have, as with the structure of the definition, the form of a direct vicious circle (also called an *idem per idem* mistake), which consists in that the given expression is present in both the *definiendum* and *definiens*. There is also another mistake in this definition, the so-called *ignotum per ignotum* mistake. This type of mistake occurs when the meaning of a word is explained by means of a word or an expression which is incomprehensible for the recipient. It is noteworthy that the *ignotum per ignotum* mistake occurs whenever there is the *idem per idem* mistake in the definition [4, p. 88]. Undoubtedly, these definition mistakes obscure the meaning of the notion of the social organisation and make the interpretation of this notion difficult. The legislator did not avoid mistakes when he introduced the legal definition of the social organisation into the Polish Code of Administrative Proceedings. Nevertheless, it would be desirable to explain the legislator's action in the context of the definition in question. The level of the organisational and legal complexity of social organisations, and above all the multitude of their forms and purposes of their activity, make defining it a very difficult task. In the present situation, with social organisations being so numerous and developing continually, the terminological precision of the notion appears unachievable. Simultaneously and no doubt deliberately, the legislator introduced the expression «other social organisations» into the defining element, as it seems in order to avoid limitation. His intention appears to be to leave the administrative proceedings open to a number of entities that meet the criteria of the social organisation. Hence, the expression «other social organisations» should be treated as something positive, as a «loophole» for such entities. The requirement of the clarity of law requires that every element that enters a dictionary has an accurate and definite meaning, unless the legislator deliberately allows vagueness. Considering this, the definition provided by the legislator should be regarded as deliberate. However it cannot be ignored that due to the vagueness and incompleteness of the definition, which is essential for the issue discussed here, the definitional crises of the notion of the social organisation is ever more frequently mentioned in specialist literature. What makes this problem even more complex is that apart from the notion of the social organisation there is a wide range of expressions related to that term, which only serves to aggravate the terminological problems. An example of such an expression is a non-government organisation. Thus, the source of difficulty is not only an attempt to determine the scope of the legal definition of the social organisation precisely, but also the determination of relations and comparisons of the notions of a «social organisation» and a «non-government organisation».

Considering this, it seems essential for further examination to determine the scope of use of the legal definition of the social organisation. Specifically, it is crucial that the relations between the procedural law on one hand and the material and the political law on the other are determined. The determination of the above-mentioned relations is no doubt vital for further investigation of the problem and thus it should be given due importance.

The problem of the relation between the procedural law and the material law has aroused a lot of interest and controversies which are of considerable theoretical and practical importance for the theory of law. The procedural law in its narrower meaning designates a collection of legal provisions that govern the procedures of state agencies and other public entities that have the power to execute acts in law, that is to create and apply law. It means that the subject matter of the procedural law is procedural actions as a specific type of conventional actions that differ from legal actions. W. Lang points out that as far as the relations between the material law and the procedural law are concerned, it is unquestionable that both types of norms

are indispensable for the functioning of legal order and they are interconnected. However there are controversial views on the matter and the first of them is that the material law is superior. It postulates that the procedural law is only instrumental and subsidiary in relation to the material law. This view is based on the classical procedure theory, which still dominates legal science. Then there are those who argue that most of the procedures essential from the point of view of the axiology of the procedural law are procedures that are fully autonomous in relation to the material law. This is the so-called postclassical concept of the process. The third view, considered to be the right one, holds that the procedural law is instrumental in its function in relation to the material law. However, it must be emphasized that some norms and rules of the procedural law have or gain limited autonomy in relation to various branches of the material law [6].

It appears that due to the notional aspect, with particular consideration of the legal definition of the social organisation, the third view should be supported. Considering the last opinion as the right one leads to the assumption that the autonomy of the procedural law is limited in relation to the material law, especially at the notional level.

As J. Niczyporuk rightly points out, a rational solution is an indirect standpoint based on the instrumentalisation of the procedural law. Making the relation between the political administrative law and the administrative proceedings more precise is possible especially if the last mentioned viewpoint – the instrumentalisation of the procedural law – is applied. The assumption that the administrative proceedings serve to implement the political administrative law and the material law does not contradict the fact that administrative proceedings gain a limited autonomy in relation to the political administrative law and the material law. Following this line of reasoning, we arrive at the conclusion that administrative proceedings have secured their autonomy in relation to the political administrative law and the material law, if only by a broader definition of a civil service body [7].

A feature of every legal definition is that it has a set of strictly defined legal texts, attributed to it by the legislator, and it is used to interpret the norms found in them. The scope of the application of a legal definition is a specific subset of legal texts to which the legal definition refers. This scope may be defined explicite by the legislator in the legal text [1, p. 159]. There is a rule that if in a given normative act the meaning of a given expression was specified by means of a definition, such an expression must not be used within that act in a different meaning. If an act in which a legal definition was formulated has a fundamental meaning for a given set of issues, the meaning of a given expression formulated in this act should be consistent throughout other acts concerning that set of issues. Any deviations from this principle must be clearly stated in the legal text, together with another meaning of the given expression and the determination of its scope of application and reference. In the structure of a legal text, a legal definition may be placed in a separate part of a normative act, called a glossary or an explanation of terms. Often, as it is the case with the definition of the social organisation, the definition is an element of an aggregate, which occurs when the legislator places several definitions in one footnote. Normal definitions are used in reference to expressions that are central to the legal text [1, p. 161].

The acceptance of this viewpoint gives rise to the following deliberations. Due to the fact that in art. 5 § 2 of the Polish Code of Administrative Proceedings the legislator uses the expression: «Whenever the provisions of the Code of Administrative Proceedings mention (...)» one may conclude that the legal definition of the social organisation becomes autonomous in relation to the political administrative law and the material law. Since it was formulated for the purpose of the Code, it is typical of the administrative procedure law. For this reason the analysis of related notions, including the notion of the non-government organisation, should only mention the problem and not discuss it in detail for the sake of retaining the terminological precision. Because of the matter discussed, it is advisable to emphasize the autonomous character of the definition in question, which results in narrowing the subject matter to the notion of the «social organisation» and the emphasis of the procedural character of this definition, which in turn indicates the necessity to distinguish this notion from the term non-government organisation.

In view of this, one should mention the opinion that in administrative proceedings, objective elements that refer to the purpose and activity of a given organisation, relevant for the interest investigated in the proceeding, should decide on the possibility that social organisations appear in such proceedings, and not be used for a detailed investigation of their «anatomic» features. Some doctrine members believe that by giving the right to participate in the proceedings the legislator does so not due to the objective character, but due to the type of the represented interest, which is relevant enough to be represented in the proceedings [8]. This view should be discussed first of all in the context of certain forms of the participation of social organisations in administrative proceedings, and especially of the participation as a participant equal to a party. Nevertheless it emphasizes the need to create a functional definition of the social organisation.

Another issue to be solved is the genre of notions that we use and based on what criteria their value should be measured. In other words, what is their «scientific genre», how are they justified and what are the consequences of their use? Intuitively we treat notions as if they were cognitive objects, something which in a way is discovered in the legal structure. Sometimes, equally intuitively, we use them as tools to describe and qualify the legal structure. Distinguishing between these two points of view, they should nevertheless be connected, sometimes even inseparably. This is because we come across both of them, and they both are present in almost every research situation. The notions express the existing law, a certain legal structure provided to us; from such a perspective notions are cognitive objects. However, notions are also the results of our research and discussions, which put into order, arrange, interpret, and criticise the existing law, and then notions are cognitive tools. As F. Lonchamps observes: it is impossible to resolve, which was the first, and which followed, which derives from which. Probably, there is a constant circulation of the data of legal life and reflection on them, which means there is a constant conceptualisation of the legal experience, which also enters the legal life [9, p. 888]. The value of the notions may be measured in several ways, that is in terms of the correspondence between them and the existing law, the usability for their intended interpretation, criticism, or potential modification or the cohesion of those notions [9, p. 888]. There is a need for a legal review so as not to be limited to the content of the normative structure alone, but to include also the mechanism of the persistence of this structure, its influence on the social environment, its being complementary. As far as the legal science is concerned, it is necessary to shift attention not only to unquestionable and priority tasks, but also to the law in real life, the legal reality, or the instances of the confrontation between the normative structure and life. From this point of view the notions in question play their role in the already mentioned circulation between the experience and the reflection, they are channels of this circulation. Generally, it could be suggested that a set of basic notions of the administrative law, treated as a whole, is consistently elaborated as a kind of solution to the problems that life poses in the matter at hand. It is noteworthy that the above-mentioned requirements, that is the correspondence to the legal experience, must be met at least in the case of new phenomena in the actions taken by the public administration for the society. Also the usefulness in terms of the influence on the legal life, the stability of law and order and the lack mutual exclusion. Generally speaking, it is suggested that some notions of the administrative law should be purposefully and critically updated. This is a serious task, all the more so because the part of the legal order, to which the notions in question belong, holds a priceless deposit: the values of order and humanism, which must not be violated for the sake of any one-sidedly understood postulates of the efficiency of actions. A revival is needed, but such that would not destroy certain high values, which are typical for the legal structure. Hence the demand for a review of some notions, but only such a review that would consolidate elements of significant value and develop them under new conditions, and modify the others [9, p. 886]. The classification of this part of legal law implies its qualification in terms of evaluation and leads to further consequences in the sphere of qualification [9, p. 890].

No doubt the remarks above can refer to the notion of the social organisation, especially the correlation of that notion with the notion of the non-government organisation. Once again it appears to be important to stress the need for some changes in this respect, in particular considering the demand for the lack of mutual contradictions among the notions. However one should not forget that the notion that we use has certain origins, which cannot be neglected. Still, a certain review is required due to new tasks, or new tools at the disposal of the administration. All this must be taken into consideration with the current administration in mind, and simultaneously one must not forget the value of humanism, law and order. The notions must be adapted to the new tasks not occasionally, but consistently. This is advantageous as it preserves cohesion and law and order. Big changes may, albeit temporarily, cause certain notional confusion. [10] It seems that this pertains to the question of the simultaneous existence of the two notions: «social organisation» and «non-government organisation». Nonetheless, due to the consequence of the assumptions, the autonomous character of the definition of the notion of the social organisation must be emphasized, as well as the limitations that result from the content of the normative structure. Hence it is necessary to concentrate on the code definition of the social organisation. The fact remains, however, that there is a real need for a review of these two notions, if only for the sake of terminological uniformity.

Another important issue is the explanation of the term notion, which is vital for the problem at hand. When determining the term notion it must be emphasized that it is a polysemous term in philosophy and in various logical systems as well. From the semantic point of view notion is the meaning of a term in the context of a given language. Legal notions, on the other hand, are meanings of terms that are found in the legal language, which is used to formulate the text of the binding law. A legal notion can be described in reference to their relation to colloquial notions and to their descriptive and evaluative character. Assuming that the colloquial notions are meanings of terms used in the colloquial language, the relation of colloquial

notions to legal notions is the consequence of the relation of the colloquial language to the legal language. The issue of the descriptive and evaluative character of the notions is highly complex due to the problem of contrasting the description with the evaluation [11].

Analysing the term notion, we touch upon the sphere of names that appear in the expressions of the legal language. First of all, it is necessary to consider the features of names that the legislator uses to formulate a statement in the legal language. This problem is a starting point for further analysis since names are the largest part of the texts that comprise the corpus of the legal language. The object designated by a given name is the designatum of that name. A set of objects denoted by the «name» [12] is attributed to it, and this set can be either empty or not empty. This set is called the scope of the name, the denotation of the name, or the set of the designata of the name. It must be emphasized that logic considers the name in plural and the name in singular as two separate names. Their designata are different – depending on the above, they are single objects or sets of those objects. A specific group of names that appear in legal texts are legal terms. The word term means here a simple or a complex name with a special meaning in a given field of science. In the context of the discussed field, a legal term is meant here. One should not forget that all the terms in a given field are called the terminology of that field. The typical features of a term are: it is a general name; its meaning is limited to the objects from a particular field of science; the scope of its use is also limited to a given field of science; there is a special relation between the terms and notions in a given field – terms are names for those notions; it is hermetic, which means that its users are related to that field; it is interconnected with other terms within the terminological system of that field of knowledge; it is unambiguous, taking into account the definitional method of introducing a notion, the term should be unambiguous. A legal term in legal literature is described as a way of understanding, in other words the meaning, of a legal notion [1, p. 153]. The term is a linguistic representation (name) of the notion [13]. Therefore, the «notion» is denoted by the term. However, one should remember that the distinction of a legal notion alone is not unambiguous in legal literature and questionable, which in turn makes the «legal term» ambiguous. Here some views on legal notions: legal notions are only those which appear in legal norms; legal notions are only those which have been coined by the legal science; legal notions are the notions used to create legal norms and the notions used by lawyers to express a legal norm; there is also a view that distinguishes between legal notions used in legal texts and legal notions used by people related to law. Hence, one should assume that legal notions are the notions in legal texts, and the notions created by the legal science are a separate group of legal notions. From this perspective legal terminology encompasses legal terms that denote legal notions and the terms that are repetitions of terms from normative acts. Therefore, the legal terminology consisting of the latter is a subset of the legal terminology consisting of the former. One should assume that legal terms are the terms that correspond to legal notions that appear in legal text formulated in legal language [1, p. 154].

It is noteworthy that the interpretation problems related to the above-mentioned definition of the social organisation provided in the code are also connected to the argumentation based on the principle «*eiusdem generis*» («of the same kind»). It states that if the legislator enumerates objects that belong to a particular category to make the scope of a given expression, which is the name of that category, more specific, then while evaluating and qualifying other objects one should omit those which bear no significant resemblance to the enumerated objects. In practice this rule applies to the interpretation of the provisions that include such expressions as: «and other(...)» or «as well as other(...)» [14, p. 75].

Considering this, it becomes necessary to relate the above-mentioned principle to the structure of the legal definition of the social organisation as provided in the Polish Code of Administrative Proceedings. This because it is impossible to ignore the fact that in the analysed provision the expression «other social organisations» is preceded by an enumeration of certain specific categories of objects that are jointly described as social organisations. As already mentioned it seems that the legislator's action should be treated as deliberate and considered positive, and not deserving criticism. It was also mentioned above that the open category of «social organisations» is a kind of «loophole» for entities that meet the criteria of social organisations, but are not included in any of the types of organisations enumerated directly in the provision. The enumeration of objects in the Polish Code of Administrative Proceedings cannot be treated as unnecessary or without purpose, or accidental. Instead it should be emphasized that the purpose of this enumeration is to show that the «other social organisations», mentioned after it, must bear similar features to the category of objects at the beginning of the definition. A. Bielska-Brodziak rightly observes that the separation of the category of designata that bear significant resemblance is a difficult task and it depends on the interpreter [14, p. 76].

Summary. It is evident for instance in the correlations of the notions of a «social organisation» and a «non-government organisation», and in the problems concerning the incorporation of foundations into the category of social organisations. Therefore it is evident that to determine the content of the notion of the

social organisation based on the code definition, one should also determine the scope of the expression «other social organisations». On the other hand, it is possible to determine the scope of that expression only if searching for entities that bear significant resemblance to the categories of social organisations that are directly mentioned in the first part of the definition. The consequence of such an assumption is that while evaluating and qualifying a given entity as a social organisation one should do so only with such whose features are similar to those which are mentioned at the beginning of the provision in question. Still it is difficult to determine the scope of entities belonging to «other social organisations» without determining the features typical of social organisations in general. If the incorporation into this category is possible only if there is a significant resemblance to the other categories from the definition, it cannot be done without determining the features that create the resemblance. Hence, the search for the structure elements of the notion of social organisations is going to be a search for the features typical of these entities. There is no doubt that the problems addressed here deserve further investigation as the above considerations do not exhaust the wide range of issues in this research area. Due to the formal limitations of the article, further research will be presented in another paper.

Sources and Literature

1. Malinowski A. Polski jezyk prawny. Wybrane zagadnienia / A. Malinowski. – Warszawa, 2006.
2. Zielicki M. Wykladnia prawa. Zasady. Reguiy. Wskazywki / Zielicki M. – Warszawa, 2002.
3. Ziembicki Z. Logiczne podstawy prawoznawstwa / Ziembicki Z. – Warszawa, 1966.
4. Nawrot O. Wprowadzenie do logiki dla prawnikow / Nawrot O. – Wroclaw, 2007.
5. Ziembicki Z. Logika praktyczna / Ziembicki Z. – Warszawa, 2006.
6. Lang W. Prawo procesowe a prawo materialne. Wzajemne relacje / W. Lang // Prawo w XXI wieku, Ksiegka pamietkowa 50-lecia Instytutu Nauk Prawnych Polskiej Akademii Nauk, ed. W. Czaplicki. – Warszawa, 2006. – P. 428.
7. Niczyporuk J. Relacja postkpowania administracyjnego do prawa administracyjnego ustrojowego / J. Niczyporuk // Kodyfikacja postkpowania administracyjnego na 50-lecie K.P.A., ed. J. Niczyporuk. – Lublin, 2010. – P. 558.
8. Skoczylas A., Swora M. Organizacje spoieczne (pozarządowe) w postkpowaniu administracyjnym i sudowoadministracyjnym / A. Skoczylas, M. Swora // Administracja. Teoria. Dydaktyka. Praktyka. – 2006. – № 3(4). – P. 35.
9. Lonchamps F. Wspyiczne problemy podstawowych pojkkz prawa administracyjnego / F. Lonchamps // PiP. – 1966. – № 6 (244). – P. 888.
10. Rabska T. Przywracanie ciągłości pojęć prawnych / T. Rabska // Panstwo prawa. Administracja. Sadownictwo. Prace dedykowane prof. dr. hab. Januszowi Jktowskiemu. – Warszawa, 1999. – P. 211.
11. Lang W. Teoria panstwa i prawa / W. Lang, J. Wryblewski, S. Zawadzki. – Warszawa, 1979.
12. Prechtl P. Wprowadzenie do filozofii jezyka / P. Prechtl. – Krakow, 2007.
13. Kierzkowska D. Tiumaczenia prawnicze / D. Kierzkowska. – Warszawa, 2002.
14. Bielska-Brodziak A. Interpretacja tekstu prawnego na podstawie orzecznictwa podatkowego / A. Bielska-Brodziak. – Warszawa, 2009.
15. Kodeks postkpowania administracyjnego (Polish Code of Administrative Proceedings). Ustawa z dnia 14 czerwca 1960 r. (ze zm.) // Dz. U. – 1960. – № 30. – Pos. 168.

Гжещук М. Поняття громадської організації в польських загальних адміністративних провадженнях. Окремі аспекти. У статті розглядається проблеми, пов'язані з поняттям громадської організації в загальних адміністративних провадженнях. Відповідно до законодавчого визначення громадськими організаціями є професійні організації, самоврядування, колективні організації та інші громадські організації (ст. 5 § 2 пункт 5 Кодексу адміністративного судочинства Польщі). Таким чином, законодавець перераховує тільки категорії суб'єктів права, які відповідають нечітким критеріям громадських організацій. Автор вважає, що структура цього визначення містить логічну помилку у вигляді так званого порочного кола. Цей тип помилки відбувається, коли значення поняття його творцем пояснюється за допомогою слова або виразу, яке незрозуміле для інших. В результаті помилки наведене визначення скоріше приховує зміст поняття громадської і ускладнює його інтерпретацію. Для правильного уявлення про зміст поняття, що аналізується, слід зосередитися на його структурі та юридичних категоріях, що його складають. Автор дійшов висновку, що поняття громадської організації слід змінити, навівши загальні та спеціальні змістовні та функціональні ознаки подібних соціальних утворень. На даний час автор вважає, що правильним є таке тлумачення поняття громадської організації у польському законодавстві, яке б було наближеним до поняття неурядової організації, що вживається у міжнародному праві.

Ключові слова: адміністративне провадження, громадська організація, визначення, поняття.

Гжещук М. Понятие общественной организации в польских общих административных производствах. Отдельные аспекты. В статье рассматривается проблемы, связанные с понятием общественной организации в общих административных производствах. Согласно законодательного определения общественными организациями являются профессиональные организации, самоуправление, коллективные организации и другие общественные организации (ст. 5 § 2 пункт 5 Кодекса административного судопроизводства Польши). Таким образом, законодатель перечисляет только категории субъектов права, которые соответствуют нечетким критериям общественных организаций. Автор считает, что структура этого определения содержит логическую ошибку в виде так называемого порочного круга. Этот тип ошибки происходит, когда значение понятия его создателем объясняется с помощью слова или выражения, которое непонятно для других. В результате ошибки приведенное определение скорее скрывает содержание понятия общественной организации и усложняет его интерпретацию. Для правильного представления о содержании понятия общественной организации следует сосредоточиться на его структуре и юридических категориях, которые ее составляют. Автор пришел к выводу, что понятие общественной организации следует изменить, приведя общие и специальные содержательные и функциональные признаки подобных социальных образований. В настоящее время автор считает, что правильным является такое толкование понятия общественной организации в польском законодательстве, которое бы было близко к понятию неправительственной организации в международном праве.

Ключевые слова: административное производство, общественная организация, определения, понятия.

УДК 342.9-051(438)

M. Podleśny

Ban on Interrogation of Priest about Facts Subject to the Seal of Confession in Polish General Administrative Proceedings

The author has analyzed the problem of restrictions to the principle of objective truth in administrative proceedings in view of evidentiary bans. He has presented the concept as well as the classification of evidentiary bans and the extent of their application. In the further part he has conducted analysis of the ban on interrogation of priest about the facts that they have learned during confession. The ban on priest's interrogation about the facts he or she found out during confession is absolute and does not provide any exceptions. If any third part who accidentally got access to information, contained in confession or provided confessor during confession, the author concluded that such persons may testify and prohibition of art. 82 of the Administrative Procedure Code of Poland does not apply to these individuals. The author considers that such regulation is not ethical and morally questionable, and therefore that article should be amended.

Key words: administrative proceedings, interrogation, priest, evidentiary bans, the seal of confession.

Presentation of the scientific problem and its significance. The essence of administrative proceedings is issuing a verdict on the basis of the actual state of affairs established by the authority within evidence activities conducted as part of the proceedings. The rules pertaining to the way of establishing those facts arise from the crucial principle in any proceedings – the principle of objective truth. The principle orders an authority to take any necessary steps in order to investigate a given affair and issue a verdict. The principle is elaborated upon in chapter IV module II of the Code of Administrative Procedure (CAP) pertaining to evidentiary proceedings [1]. Those regulations allow each person proving his or her legal interest to submit any motions of evidence that could help establish the actual state of affairs at any moment.

However, not always will the authority conducting the proceedings have the power to take specific evidence. In some cases examination of given evidence will not be allowed due to the introduction of evidentiary bans into the CAP.

Main content and justification of the study results. While attempting to specify the essence and classification of evidentiary bans in administrative proceedings, first, one should answer the question pertaining to the reason for the introduction of regulations banning the use of specific evidence during the

proceedings. Quoting Kwiatkowski, one may assume that evidentiary bans are legal rules that limit or even make it impossible to reach the truth, that is to establish facts that are true, if it could interfere with the country's significant interests as well as social or individual interests [2, p. 44].

Grzegorzczuk defines evidentiary bans in a similar way, naming them norms prohibiting examination of evidence in specified conditions or creating limitations in the search for evidence [3, p. 437].

On the other hand, Marszał points to the existence of two meanings of the term «evidentiary ban». In a narrow sense evidentiary bans mean bans on examination of specific evidence, however, in a wide sense evidentiary bans refer to any limitations within the introduction, examination and use of evidence in a case [4, p.176].

Essentially, every evidentiary ban diminishes the chances of finding the evidence, thus it is an exception to the principle of objective truth. As a result, bans are applied only within the scope specified by legal regulations in detail [5, p. 353].

Therefore, one may assume that evidentiary bans are exceptional in nature and constitute compromises between various goods having priority over the principle of objective truth. Moreover, they become two-sided, which means that on the one hand they deprive an authority of evidence and, on the other hand, they order this authority to search for other evidence that could help account for the objective truth [6, p. 45].

Thus evidentiary bans are a guarantee and a compromise between various socially accepted goods and the need for establishment of the truth during the proceedings as well as are introduced by the legislator always where the benefit arising from establishment of the truth might be smaller compared to the disadvantage that could arise from examination and use of given evidence [7, p. 45].

In general administrative proceedings evidentiary bans are legal regulations contained in chapter IV of the CAP, constituting specific legal structures, by means of which obtaining evidential materials with use of given evidence is either restricted or even prohibited. The essence of bans is based on the need to protect specific interests, goods and values other than the principle of establishing the actual state of affairs in accordance with the truth.

Due to the nature of administrative proceedings classification of evidentiary bans is not complicated. In contrast with criminal proceedings, where regulations pertaining to evidential proceedings constitute a very complex and complicated element of the criminal case, in general administrative proceedings legal solutions pertaining to the ways of examination of evidence, including the ones regulating the matter of evidentiary bans, appear in a much narrower range.

The basic criterion that should be accepted while attempting to classify evidentiary bans in general administrative proceedings is the criterion of the scope of a given ban. Does it become an absolute ban, which does not allow for any exceptions in using specific evidence, or does it become a relative ban, which does not really ban but restricts the possibility of reaching the truth?

By accepting the criterion of the scope of application of a given ban one may distinguish two basic groups: relative or absolute bans. The characteristic feature of absolute evidentiary bans is the fact that they are not subject to any exceptions, which means that there are no legal or actual possibilities of taking evidence that is subject to the abovementioned ban. This group includes the ban on summoning a witness that is unable to note and communicate his or her observations (art. 82 p. 1 of the CAP) as well as the ban on interrogating a priest about facts that he or she has learned during a confession (art. 82 p. 3 of the CAP).

Relative evidentiary bans refer to bans on using some evidence, however, at the same time providing appropriate exceptions to the abovementioned bans. Within relative evidentiary bans two groups may be distinguished. Firstly, relative evidentiary bans in case of which the witness cannot decide by himself or herself about the exception to the ban. This group includes the inability to be a witness due to the need to protect a state secret – art. 82 §2 of the CAP; as well as the inability to be a witness due to the need to preserve a service secret – art. 82 §2 of the CAP.

Secondly, relative evidentiary bans depending on the will of the interrogated person. In case of relative evidentiary bans the witness may decide whether a given situation is a basis for his or her resorting to refusal to testify or answer a specific question or whether he or she does not have any objections and given evidence may be taken. This group of evidentiary bans includes:

- the right to refuse to testify by the immediate family of the party – art. 83 §1 of the CAP;
- the right to refuse to answer a specific question due to the obligation to keep a service secret – art. 83 §1 of the CAP;
- the right to refuse to answer a specific question if the answer could expose the witness or his or her immediate family to criminal liability, indirect damage to property or disgrace – art. 83 §2 of the CAP;
- the ban on interrogation of a person using diplomatic immunity, unless the person consents to it;

- the ban on interrogation of a party that has not consented to it;
- the ban on summoning an expert if he or she is subject to exclusion on the basis of art. 24 of the CAP or if he or she has the right to refuse to testify if the conditions from art. 83 of the CAP arise.

In accordance with art. 25 of the Constitution of the Republic of Poland, the public authorities in the Republic of Poland must remain impartial in their religious and philosophical beliefs as well as world view, ensuring freedom of their expression in the public life [8]. Simultaneously, one needs to note that the model of separation of church and state accepted in the Republic of Poland refers to all churches and religious associations [9, p. 26].

The independence and autonomy of church and state, however, is not absolute in nature and does not mean complete separation of the institutions, which is indirectly indicated by art. 25 of the Constitution of the Republic of Poland, accepting respect and cooperation for the common good as the basis for the process of shaping the discussed relations [10, p.126].

An example of the relations between the state and religious associations is the protection of confidential exchange of information taking place during confession. In commentaries within administrative proceedings the issue of the ban on using facts that the priest has learned during confession has not received much attention, sometimes treated as a marginal issue. The main reason for this situation is probably the belief that in practice the issues connected with protection of the seal of confession do not cause so many problems, which seems to be confirmed by few judicial decisions pertaining to the discussed topic. However, legal regulations pertaining to the abovementioned issues undoubtedly do restrict the principle of objective truth.

In spite of apparent clearness of the regulations provided by art. 82 §2 of the CAP, the issues raise many doubts that could be reduced to one question: to whom and to what does the ban refer, that is, what does the subjective and objective scope of the ban look like?

Due to the fact that in most cases the art. 82 of the CAP regulations will be applied in Roman Catholic clergymen, the reflections below will be based mainly on the Code of Canon Law. In the Roman Catholic Church the idea of the seal of confession was regulated by canons 983 and 984 of the CCL. In accordance with the canons, the seal of confession is inviolable and thus the confessor may not disclose the information provided by the penitent in words or any other way for any reason and in any situation. The interpreter, if he or she is present, as well as any other people who have received the information about the sins from the confession also have the obligation to preserve the secret. It is absolutely forbidden for the confessor to use the information obtained during confession in a way that could incriminate the penitent, even if there is no risk of the information being disclosed. Moreover, in accordance with canon 984 §2 of the CCL, every person who has knowledge of the sins confessed at any time during the confession cannot use it in any way in the outside world. The obligation to preserve the seal of confession is explained by the Catholic Church by two kinds of goods that need to be protected. Those include the penitent's good (*bonum penitentium*) and the sacrament's good (*bonum sacramenti*) [11, p. 68].

Quite a broad spectrum of the regulations pertaining to the seal of confession indicate the great importance of this idea as well as its absolute nature [12, p. 532].

The canon laws have been combined with the administrative proceedings laws, establishing a ban on interrogation of clergymen about facts subject to the seal of confession in art. 83 §3 of the CAP.

The objective scope of the seal of confession should be discussed first with differentiation between two forms of confession: ordinary and extraordinary. In accordance with canons 959 and 960 of the CCL the ordinary confession consists in individual and integral confession, during which in the sacrament of penance an authorized steward hears people's sins, contrition as well as promise of at least satisfaction, as a result of which, through absolution given by him or her, the people are absolved of their sins by God and, at the same time, reunite with the church. One may be excused from such confession only in case of physical or moral inability. The extraordinary form of confession may be applied only if the conditions specified in art. 961 of the CCL arise, that is if there is danger of death and there is no time for a priest or priests to hear particular penitents or if it is necessary, namely, if due to a large number of penitents and not enough confessors to hear each person individually in appropriate time penitents would remain without sacramentary grace or holy communion for a long time, not out of their own fault, but sufficient necessity is not considered to exist when confessors cannot be present due only to the large number of penitents such as can occur on some great feast or pilgrimage. However, even in such a situation the penitent, in accordance with canon 963 of the CCL, should go to individual confession at the earliest convenience before another general confession, unless there is a justified reason.

Due to the issue connected with evidentiary bans only the ordinary form of confession will have application here, as this is the only form that provides for the obligation to keep the seal of confession.

From art. 82 §3 of the CAP it arises that clergymen cannot testify about the facts that they have learned during confession, which means that one needs to define the facts, the priest as well as the confession in detailed analysis. The linguistic interpretation of the word fact in colloquial language is associated with the real existence. In accordance with Eryciński, «facts are any phenomena and events specified in time and space as past or present as well as procedural facts significant for procedural prerequisites» [13, p.443].

Therefore, the linguistic interpretation does not provide satisfactory results, as during confession the priest may obtain or provide much information other than and as significant as facts, however, expressed during confession as judgment, his or her own evaluation of the facts or information provided by the priest in the form of instruction, advice or obligation to undo the harm [14, p. 131].

Rakoczy also emphasizes the fact that evidentiary restrictions refer only to situations in which the priest has learned specific facts from the penitent. However, this restriction does not apply in a situation where during confession the penitent receives from the confessor specific information, including facts, which could be related to third persons [15, p. 131].

In such a situation, instead of the linguistic interpretation, the author advocates application of the theological interpretation and assumption that the discussed ban pertains to any information obtained during confession, regardless of whether the information has been provided by the confessor or the penitent. Only after that would the seal of confession be interpreted correctly [16, p. 132].

The abovementioned view requires a commentary. One cannot disagree with the first part of the argument presented above. Limitation of the evidentiary ban only to true statements seems not only pointless but also unfair, and, most importantly, impossible. The priest does not have any rights, competences or power to evaluate whether the statement given by the penitent is real. Hence one needs to assume that all statements disclosed by the penitent to the confessor during confession are subject to evidence.

Definitely, the most questionable is the second statement, in accordance with which interpretation of regulations pertaining to the seal of confession should assume protection of any information disclosed and obtained during confession, regardless of whether it has been disclosed by the confessor or the penitent. In the first place one needs to note that the mere awarding of the privileged status to some evidence, especially in view of implementation of the principle of objective truth, is controversial. It is caused by the fact that evidentiary bans may conceal significant, sometimes even crucial for the settlement of the case, evidence. However, if, in spite of the above, the legislator decides that some values are more important than the search for the truth itself, then the prerequisites should be interpreted in a narrow way, especially as the discussed ban has been implemented as an absolute ban, not subject to any exceptions [17, p. 71].

Thus one should assume that the discussed ban pertains only to the information that the confessor has learned from the penitent during confession. In case of the reverse, the penitent will be obliged to testify about the facts that he or she has learned from the confessor during confession.

Another issue as significant as the establishment of the subject of the discussed ban is establishment of the person to whom the discussed ban applies – that is establishment of its subjective scope. The disposition of art. 82 of the CAP is extended to clergymen, however, it does not attempt anywhere, just as in the case of the criminal and civil procedure, to specify this term. In 1992 the Supreme Court ruled that a priest is a person belonging to the Catholic Church or any other church or religious association, distinguished from other believers by the fact that he or she has been appointed to organize and perform religious services [18].

Hence the ban is extended to clergymen of all religious associations, regardless of the nature or obligation connected with their function, if only the churches or religious associations work legally and provide confessions [19, p. 173].

Analysis of the internal regulations of a given church allows for establishing who is accepted as a priest able to hear confession within this church. In accordance with canons 965 and 966 of the CCL the steward of penance may be only a priest who, aside from ordination, has received the right to hear confessions on the basis of the law itself or by means of receiving suitable rights from a competent authority. At the same time one must note that the obligation to preserve the seal of confession pertains also to an ex-priest, who, as a result of secularization, has become a lay person. Such a person does not have a right to administer sacraments, however, may absolve a person in danger in the face of death. It is beyond doubt that in such a situation an ex-priest will not be able to testify about the facts that he or she has learned during confession either.

An issue worth attention is also a situation in which the person hearing the confession does not have appropriate authorization to administer this sacrament, which might stem from the fact that the person is not a priest at all or is one, however, does not have an appropriate right to hear confession. Here Rakoczy states that application of the evidentiary ban depends on the good or bad intention of the penitent. If the penitent

does not realize that the person to whom he or she is confessing his or her sins is deprived of suitable rights, then the seal of confession and simultaneously the evidentiary ban should be preserved. However, if the penitent acts out of bad intentions, then there is no basis for using the protection provided by art. 82 § 3 of the CAP [20, p. 134].

Another issue is connected with whether the seal of confession pertains to a third person who has obtained some information either by the penitent's consent, as in the case of confession in the presence of an interpreter, or has obtained some information from the priest or the penitent himself or herself, as well as whether a third person has learned the information contained in the confession regardless of the priest and the penitent's will. The canon law doctrine distinguishes the seal of confession that should be kept by every person who has obtained information on the sins disclosed during confession in any way [21, p. 134].

However, in procedural regulations there is no law that would in any way relate to the canon law regulations within the discussed topic. Lack of any such regulations, however, does not mean that one should not scrutinize this issue, mainly due to the fact that the legislator has accepted the seal of confession as a value subject to legal protection. As for confession in the presence of an interpreter, one must accept, regardless of whether the interpreter is a sworn professional or simply a person knowing a foreign language, that such a person will always exercise the right to protect the seal of confession. Otherwise, participation of an interpreter in confession would make no sense, as it is difficult to imagine a penitent trusting any interpreter without the certainty that the sins he or she confesses during confession cannot be disclosed on an authority's demand.

As for third persons who have learned the information contained in the confession accidentally or as a result of information given to them by the penitent or the confessor, one must assume that such persons may testify and the ban from art. 82 of the CAP will not find application in relation to those persons. In accordance with *de lege ferenda* – what the law ought to be (as opposed to what the law is), one may demand that in such a situation the evidentiary ban be extended to third persons as well, as acceptance of evidence provided by a person who has obtained knowledge of the topics touched upon during confession illegally seems unethical and morally dubious. As Rusinek rightly states, a believer summoned as a witness faces a dilemma whether to remain faithful to the church's laws that order him or her to protect the seal of confession or to comply with the procedural law. Thus the legislator should take into consideration potential danger arising from such collisions and extend the discussed ban to third persons as well [22, p. 78].

The last element that requires a closer look is the idea of confession. Jurzyk has created typology of the notion of «confession», indicating the following ways in which it may be understood:

1) sacramentary confession – confession consisting in individual confession of sins to a confessor. It can be found in the Catholic Church and some Christian Churches,

2) confession during which admission to sins occurs, however, it is not sacramentary in nature (Protestant Churches),

3) a pastoral conversation, of which confession of sins might be one, not necessarily dominant, element – some Protestant Churches or some factions of Judaism [23, p. 74].

The evidentiary ban will certainly pertain to the first understanding of confession, that is sacramentary confession. Jurzyk, however, notes that such limited understanding of this ban might give rise to accusations of discrimination. On the other hand, extending the abovementioned ban to other churches and religious associations where only a pastoral conversation is practiced would require extending this ban to such conversations held by priests, friars and nuns in the Catholic Church as well. Therefore, during analysis of those regulations one needs to acknowledge such problems, especially as the way of interpretation presented above is quite prevalent, e.g. in American jurisdiction [24, p. 75].

Summary. The author has analyzed the problem of restrictions to the principle of objective truth in administrative proceedings in view of evidentiary bans. He has presented the concept as well as the classification of evidentiary bans and the extent of their application. In the further part he has conducted analysis of the ban on interrogation of priest about the facts that they have learned during confession.

As for confession in the presence of an interpreter, one must accept, regardless of whether the interpreter is a sworn professional or simply a person knowing a foreign language, that such a person will always exercise the right to protect the seal of confession.

As for third persons who have learned the information contained in the confession accidentally or as a result of information given to them by the penitent or the confessor, one must assume that such persons may testify and the ban from art. 82 of the CAP will not find application in relation to those persons. In accordance with *de lege ferenda* – what the law ought to be (as opposed to what the law is), one may demand that in such a situation the evidentiary ban be extended to third persons as well, as acceptance of evidence

provided by a person who has obtained knowledge of the topics touched upon during confession illegally seems unethical and morally dubious.

Sources and Literature

1. Code of Administrative Procedure of 14 June 1960 y. // Dz.U. – 1960. – № 30. – Pos. 168.
2. Kwiatkowski Z. Zakazy dowodowe w procesie karnym / Kwiatkowski Z. – Katowice, 2001.
3. Grzegorzczak T. Zakazy dowodowe / T. Grzegorzczak, J. Tylman / Polskie postępowanie karne. – Warsaw, 2009.
4. Marszał K. Proces karny / K. Marszał. – Katowice, 1992.
5. Waltoś S. Zarys systemu / Waltoś S. – Warsaw, 2003.
6. Kwiatkowski Z. Zakazy dowodowe w procesie karnym / Z. Kwiatkowski. – Katowice, 2001.
7. Constitution of the Republic of Poland of 2 April 1997 y. // Dz. U. – 1997. – № 78. Pos. 483.
8. Kwiatkowski Z. Zakazy dowodowe w procesie karnym / Z. Kwiatkowski. – Katowice, 2001.
9. Winiarczyk-Kossakowska M. Państwowe prawo wyznaniowe w praktyce administracyjnej / M. Winiarczyk-Kossakowska. – Warsaw, 1999.
10. Rakoczy B. Tajemnica spowiedzi w polskim postępowaniu karnym, cywilnym i administracyjnym / B. Rakoczy // Przegląd Sądowy. – 2003. – № 11-12.
11. Jurzyk M. Ochrona spowiedzi w postępowaniu dowodowym a prawa penitenta i duchownego / M. Jurzyk // Radca Prawny. – 2004. – № 2.
12. Martysz Cz. Dowód z zeznań świadka / G. Łaszczycza, A. Matan, Cz. Martysz / Postępowanie administracyjne ogólne. – Warsaw, 2003.
13. Ereciński T. Komentarz do kodeksu postępowania cywilnego / T. Ereciński. – Warsaw, 2001.
14. Rakoczy B. Tajemnica spowiedzi w polskim postępowaniu karnym, cywilnym i administracyjnym / B. Rakoczy // Przegląd Sądowy. – 2003. – № 11-12.
15. Rakoczy B. Tajemnica spowiedzi w polskim postępowaniu karnym, cywilnym i administracyjnym / B. Rakoczy // Przegląd Sądowy. – 2003. – № 11-12.
16. Rakoczy B. Tajemnica spowiedzi w polskim postępowaniu karnym, cywilnym i administracyjnym / B. Rakoczy // Przegląd Sądowy. – 2003. – № 11-12.
17. Jurzyk M. Ochrona spowiedzi w postępowaniu dowodowym a prawa penitenta i duchownego / M. Jurzyk // Radca Prawny. – 2004. – № 2.
18. The May 6, 1992 Supreme Court ruling, I KZP 1/92, OSKNW, 7-8, item 46.
19. Iserzon E., Starościak J. Kodeks postępowania administracyjnego. Komentarz, teksty, wzory i formularze / E. Iserzon, J. Starościak. – Warsaw, 1970. – P. 173.
20. Rakoczy B. Tajemnica spowiedzi w polskim postępowaniu karnym, cywilnym i administracyjnym / B. Rakoczy // Przegląd Sądowy. – 2003. – № 11-12.
21. Rakoczy B. Tajemnica spowiedzi w polskim postępowaniu karnym, cywilnym i administracyjnym / B. Rakoczy // Przegląd Sądowy. – 2003. – № 11-12.
22. Rusinek M. Tajemnica zawodowa i jej ochrona w polskim procesie karnym / M. Rusinek. – Cracow, 2007.
23. Jurzyk M. Ochrona spowiedzi w postępowaniu dowodowym a prawa penitenta i duchownego / M. Jurzyk // Radca Prawny. – 2004. – № 2.
24. Jurzyk M. Ochrona spowiedzi w postępowaniu dowodowym a prawa penitenta i duchownego / M. Jurzyk // Radca Prawny. – 2004. – № 2.

Подлесни М. Заборона на допит священнослужителя про факти, що повідомлені на сповіді, у польських загальних адміністративних процедурах. Відповідно до ст. 25 Конституції Республіки Польща, органи державної влади повинні залишатися неупередженими у своїх релігійних і філософських переконаннях, а також світогляді, забезпечуючи свободу їх вираження в суспільному житті. Ця модель поділу церкви і держави застосовується до всіх церков і релігійних об'єднань. У 1992 р. Верховний Суд Польщі ухвалив, що священник як особа, яка належить до католицької церкви або будь-якої іншої церкви або релігійного об'єднання, відрізняється від інших віруючих тим, що він або вона були призначені організувати і проводити релігійні служби. Тому заборона на допит священнослужителя поширюється на усі релігійні об'єднання, якщо тільки ці церкви і релігійні асоціації працюють легально і забезпечують віруючим обряд сповіді. Обов'язок зберігати таємницю сповіді пояснюється католицькою церквою на прикладі двох видів духовних благ, які повинні бути захищені. Вони включають в себе щире каяття (*bonum penitentium*) і таїнство сповіді (*bonum sacramenti*). Прикладом відносин між державою та релігійними об'єднаннями є захист конфіденційної інформації, обмін якою відбувається під час сповіді. Заборона на допит священника про факти, які він або вона дізналася під час сповіді, є абсолютною, тобто не передбачає будь-яких винятків. А це означає, що не існує жодних юридичних або фактичних можливостей отримання доказів, які є

предметом вищевказаної заборони. Що стосується третіх осіб, які випадково отримали доступ до інформації, що міститься в сповіді або наданої духівником під час сповіді, то за висновком автора такі особи можуть виступати свідками і заборона ст. 82 Адміністративного процесуального кодексу Польщі на них не поширюється. Автор вважає, що таке регулювання є не етичним і морально сумнівним, а тому у вказану статтю має бути внесено доповнення, яке б поширила заборону розголошувати таємницю сповіді і на третіх осіб.

Ключові слова: адміністративне судочинство, допит, священнослужитель, таємниця сповіді.

Подлесны М. Запрет на допрос священнослужителя о фактах, которые сообщены на исповеди, в польских общих административных процедурах. В соответствии со ст. 25 Конституции Республики Польша, органы государственной власти должны оставаться беспристрастными в своих религиозных и философских убеждениях, а также мировоззрении, обеспечивая свободу их выражения в общественной жизни. Эта модель разделения церкви и государства применяется ко всем церквям и религиозным объединениям. Примером отношений между государством и религиозными объединениями является защита конфиденциальной информации, обмен которой происходит во время исповеди. В 1992 г. Верховный Суд Польши постановил, что священник как лицо, принадлежащее к католической церкви или любой другой церкви или религиозному объединению, отличается от других верующих тем, что он или она были назначены организовывать и проводить религиозные службы. Поэтому запрет допроса священнослужителя распространяется на все религиозные объединения, если только церкви и религиозные ассоциации работают легально и проводят обряд исповеди. Обязанность хранить тайну исповеди объясняется католической церковью на примере двух видов духовных благ, которые должны быть защищены. Они включают в себя искреннее раскаяние (*bonum penitentium*) и таинство исповеди (*bonum sacramenti*). Запрет на допрос священника о фактах, которые он или она узнали во время исповеди, является абсолютным, то есть не предусматривает каких-либо исключений. А это значит, что не существует никаких юридических или фактических возможностей получения доказательств, которые являются предметом вышеуказанного запрета. Относительно третьих лиц, которые случайно получили доступ к информации, содержащейся в исповеди или предоставленной духівником во время исповеди, то по заключению автора такие лица могут свидетельствовать и запрет ст. 82 Административного процессуального кодекса Польши не распространяется на них. Автор считает, что такое регулирование является не этическим и морально сомнительным, а потому в указанную статью должны быть внесены дополнения, в соответствии с которыми запрет разглашать тайну исповеди возлагался бы и на третьи лица.

Ключевые слова: административное судопроизводство, допрос, священнослужитель, тайна исповеди.